

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Алматы: ЮРИСТ, 2005. С. 25, 49–54.

⁹ УПК Республики Узбекистан, утвержден Законом РУз от 22.09.1994 г. № 2013-ХП, введен в действие с 01.04.1995 г. В настоящий Кодекс внесены изменения в соответствии с Законом РУз от 22.12.1995 г., Законом РУз от 27.12.1996 г. № 357-І, Законом РУз от 30.08.1997 г. № 485-І, Законом РУз от 01.05.1998 г. № 621-І, Законом РУз от 29.08.1998 г. № 681-І, Законом РУз от 25.12.1998 г. № 729-І, Законом РУз от 15.04.1999 г. № 772-І, Законом РУз от 20.08.1999 г. № 832-І, Законом РУз от 26.05.2000 г. № 82-ІІ, Законом РУз от 31.08.2000 г. № 125-ІІ, Законом РУз от 14.12.2000 г. № 163-ІІ, Законом РУз от 15.12.2000 г. № 175-ІІ, Законом РУз от 29.08.2001 г. № 254-ІІ, Законом РУз от 30.08.2001 г. № 271-ІІ, Законом РУз от 30.08.2002 г. № 405-ІІ.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Ереван: Министерство юстиции РА, 2003. С. 39, 92–93, 162–168.

¹¹ См.: Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов.энциклопедия, 1989. С. 200.

Ю.В. Кувалдина*

К ВОПРОСУ ОБ УПРОЩЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В соответствии с идеей дифференциации современного уголовного процесса в УПК РФ получили дальнейшее развитие институты прекращения уголовных дел — в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК) и деятельным раскаянием (ст. 28 УПК), а также внедрены новые процедуры — принятие судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК) и при заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40-1 УПК). Рассмотрим эти институты с точки зрения сходства их процессуальной природы.

Перечисленные конструкции можно отнести к условно альтернативным. С одной стороны, они не укладываются в выработанное зарубежной и отечественной наукой понимание альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов как внесудебных процедур. С другой — термин «альтернативный» с учетом его этимологического значения как допускающего выбор между двумя или более возможностями¹ может быть использован при характеристике моделей. Так, выбор любой из процедур поставлен в зависимость от волеизъявления участников судопроизводства: для прекращения дела в связи с примирением сторон требуется заявление потерпевшего (ст. 25 УПК), деятельным раскаянием — добровольная явка с повинной (ст. 28 УПК); для применения особых порядков, предусмотренных гл. 40 и 40-1 УПК, соответственно ходатайство обвиняемого

---

* © Кувалдина Ю.В., 2010

Кувалдина Юлия Владимировна — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства (ч. 5 ст. 217, ч. 1 ст. 314) и ходатайство обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч.1 ст. 317.1).

Все модели можно отнести к упрощенным. В судебном заседании в рамках процедур, предусмотренных гл. 40, 40-1 УПК, не проводятся в обычном порядке исследование и оценка собранных по делу доказательств (ч. 5 ст. 316, ч. 1 ст. 317.7). Примирение сторон или деятельное раскаяние могут повлечь разрешение дела на самых ранних этапах уголовного процесса. В случае если дело прекращается на стадии судебного разбирательства по этим основаниям, судебное следствие тоже фактически упрощается.

Рассматриваемые процедуры носят компромиссный характер. Разрешение уголовно-правового конфликта между государством и личностью средствами уголовной юстиции в данных процедурах осуществляется также путем императивного предписания, выносимого соответствующим органом от имени государства и выражающего публичный интерес. Однако предоставленная Законом возможность прекратить дело в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием либо разрешить его в процедурах, установленных гл.40 или гл.40-1 УПК, свидетельствует об усилении в отечественном процессе элементов диспозитивности. В этих конструкциях государство проявляет особую реакцию на преступление — дело разрешается либо без применения уголовной репрессии путем его прекращения по нереабилитирующему основанию, либо путем ее применения не в полном объеме с вынесением обвинительного приговора в отношении лица, согласившегося с предъявленным обвинением или заключившего соглашение о сотрудничестве со следствием.

Все процедуры являются согласительными. В ситуации, описанной в ст. 25 УПК, это выражается в примирении потерпевшего и обвиняемого, в случае согласия с которым органы предварительного расследования или суд прекращают дело; в основе компромисса, предусмотренного ст. 28 УПК, лежат деятельное раскаяние лица и согласие органов предварительного расследования или суда на освобождение этого лица от уголовной ответственности в связи с тем, что оно перестало быть общественно опасным; в случаях, предусмотренных гл. 40,40-1 УПК, обвиняемый соглашается с предъявленным обвинением или сотрудничает со следствием, потому что знает, что приговор будет более мягким, а участники процесса со стороны обвинения — с тем, что дело в отношении обвиняемого будет рассмотрено в особом порядке и наказание значительно снижено. В результате участники процедур достигают каждый своей цели: обвиняемый удовлетворяет свой интерес в том, чтобы избежать уголовной ответственности и наказания или получить как мож-

но более мягкий приговор; сторона обвинения — в установлении виновности лица, которая находит выражение в итоговом решении по делу; суд — в выполнении назначения уголовного судопроизводства. При этом органы предварительного расследования повышают показатели раскрываемости преступлений, а суд экономит силы, время, средства для разбирательства сложных в доказывании дел.

Однако законодатель как будто не замечает процессуальной близости этих институтов. Это выражается не только в том, что нормы о них разбросаны в структуре УПК без системы и логики, но и в том, что рассматриваемые модели судопроизводства различаются условиями применения, которыми они в принципе различаться не должны. На наш взгляд, такими общими условиями можно считать:

1. Признание вины обвиняемым. Закон предъявляет это условие к прекращению дела в связи с деятельным раскаянием и его рассмотрению в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК. В первой процедуре признание вины находит свое объективное подтверждение в добровольно сделанной лицом явке с повинной, во второй — в заявленном обвиняемым ходатайстве о согласии с обвинением. Но и в случае примирения с потерпевшим и содействия следствию от обвиняемого требуется получить признание вины, которое свидетельствует об осознании им преступности своего поведения, сожалении о нем и стремлении искупить свою вину перед личностью и обществом. Кроме того, без признания обвиняемым своей вины невозможно его прощение и примирение с ним со стороны потерпевшего, а следовательно, прекращение дела или получение снисхождения при назначении наказания со стороны государства. Непризнание обвиняемым вины при одновременном согласии совершить позитивные посткриминальные действия может свидетельствовать о несоблюдении иных условий, с которыми УПК связывает применение институтов, предусмотренных ст. 25 и 28, гл. 40 и 40-1: указывать на то, что стороны не примирились, либо обвиняемый не осознает значение согласия с предъявленным обвинением, дал его в результате заблуждения или под чьим-либо влиянием, либо обвиняемый не утратил общественной опасности.

2. Учет мнения участников уголовного судопроизводства. В первую очередь необходимо определить значение волеизъявления должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность: государственного обвинителя, прокурора, руководителя следственного органа. Для прекращения дела следователем или дознавателем в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием нужно получить согласие руководителя следственного органа или прокурора. Вместе с тем для прекращения дела по этим же основаниям судом согласие участников

процесса со стороны обвинения не требуется. Для вынесения судебного решения в особом порядке, предусмотренном в гл. 40 УПК, необходимо согласие государственного обвинителя. Однако опрос судей показал, что почти половина из них не считает согласие государственного обвинителя обязательным условием для рассмотрения дела в форме, описанной в гл. 40 УПК. Осуществление особого порядка, установленного гл. 40-1 УПК, поставлено в зависимость от позиции прокурора. Прокурор вправе отказать в удовлетворении ходатайства обвиняемого о заключении соглашения о сотрудничестве (ч. 4 ст. 317.1, ст. 317.2 УПК). Мнение следователя, изложенное в его мотивированном постановлении о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не обязательно для прокурора, поскольку последний вправе вынести постановление как об удовлетворении ходатайства о заключении такого соглашения, так и об отказе в этом (ч. 2 ст. 271.2 УПК). Некоторая путаница присутствует в нормах ст. 317.7 УПК относительно значения мнения государственного обвинителя по вопросу применения процедуры, предусмотренной гл. 40-1 УПК. Судебное заседание согласно ст. 317.7 проводится в порядке, установленном ст. 316, ч. 6 которой закрепляет, что при возражении государственного обвинителя против постановления приговора без проведения судебного разбирательства судья выносит постановление о прекращении особого порядка и назначении рассмотрения дела в общем порядке. Однако для реализации процедуры, урегулированной гл. 40.1 УПК, ч. 2 ст. 317.6 такого условия не устанавливает.

Определенные проблемы есть в порядке выяснения мнения потерпевшего. Для применения гл. 40 УПК требуется получить согласие потерпевшего; при его возражении судебное разбирательство проводится в общем порядке (чч. 1, 4 ст. 314, чч. 4, 6 ст. 316 УПК). Однако нередко разбирательство дела в форме, предусмотренной гл. 40 УПК, тормозится именно в связи с неявкой в судебное заседание потерпевшего и отсутствием в материалах дела сведений, отражающих его позицию относительно заявленного подсудимым ходатайства о вынесении судебного решения в особом порядке (по 92 из 283 изученных дел). Подобная ситуация не только нарушает право обвиняемого на рассмотрение его дела в разумные сроки, но и противоречит самой цели введения особого порядка — упрощение процесса. В то же время по делам, которые могут быть разрешены в порядке гл. 40 УПК, возможна ситуация, когда процессуальная фигура потерпевшего отсутствует (из изученных 283 дел 99 содержали обвинение по ст. 201, 204, 222, 228, 228.1, 327 УК). Выражение потерпевшим мнения по ходатайству обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке при согласии с предъявленным обвинением — такое

же субъективное право потерпевшего, как и ознакомление с материалами дела, и участие в судебном разбирательстве (ст. 42 УПК). Поэтому, на наш взгляд, достаточно уведомить потерпевшего о поступлении соответствующего ходатайства обвиняемого и предоставить возможность в течение определенного срока высказать свое отношение к нему, не добиваясь во всех случаях обязательного выражения мнения по данному вопросу. Подобным же образом следовало бы решить этот вопрос и при рассмотрении дела по нормам гл. 40-1 УПК, а также при прекращении дела в связи с деятельным раскаянием. Большинство дел, по которым могут быть применены указанные процессуальные формы, касаются преступлений, носящих публичный характер, т. е. направленных против интересов общества и государства. Поэтому именно государство в лице уполномоченных органов, оценив значение деятельного раскаяния или сотрудничества со следствием в смысле ч. 2 ст. 317.1 УПК, принимает решение о применении процедур, предусмотренных ст. 28 или гл. 40-1 УПК. Статья 25 УПК требует безусловного согласия потерпевшего на прекращение дела по предусмотренному ей основанию, которое выражается в заявлении потерпевшего. Мы полагаем, что в ситуации, когда стороны уже примирились и вред фактически заглажен на тех условиях, которые предложены потерпевшим, органы предварительного расследования или суд обязаны разъяснить потерпевшему возможность прекращения дела и, не получив возражений с его стороны, прекратить дело, поскольку все иные процессуальные условия соблюдены.

Таким образом, в УПК можно закрепить общее правило, согласно которому каждая из четырех процедур может быть использована не в случае согласия потерпевшего, а при отсутствии возражений с его стороны. Данное положение представляется верным и в отношении выяснения позиции обвиняемого, хотя его возражение против применения процедур должно влечь категорический запрет на их реализацию.

3. Заглаживание вреда обвиняемым, т. е. добровольное, полное возмещение непосредственно обвиняемым или через других лиц имущественного ущерба, морального вреда, причиненных в результате преступления, совершение обвиняемым иных действий, направленных на заглаживание вреда (например, принесение извинений потерпевшему и т. д.). Данное условие предусмотрено только для институтов прекращения дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием. Однако практика внесла коррективы и в условия реализации процедуры, урегулированной гл. 40 УПК. Так, по 204 из 283 изученных дел в приговоре, постановленном в этом порядке, помимо соблюдения условий, закрепленных в ч. 1 и 2 ст. 314 УПК, констатировалось, что ущерб подсудимым возмещен. непонятно, почему законодатель в отношении

прекращения дела в связи с деятельным раскаянием предусмотрел в качестве его условия заглаживание вреда и упустил это условие, создавая конструкцию, предусмотренную ныне гл. 40-1 УПК, ведь очевидно, что реализацию обеих процедур он связывает с активными постпреступными действиями обвиняемого, направленными на предотвращение, устранение, уменьшение негативных последствий содеянного, к которым, безусловно, относится и заглаживание вреда.

4. Получение обвиняемым юридической помощи. Особенности участия защитника в процедурах прекращения дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием не урегулированы совсем. Вместе с тем лицо, в отношении которого принято решение о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям, установленным ст. 25 и 28 УПК, должно сознавать, что оно не имеет права на реабилитацию, и восстановления ограниченных в ходе предварительного расследования прав не произойдет. Поэтому, чтобы обеспечить законность принимаемого решения и соблюдение прав всех сторон, обвиняемому должна быть обеспечена возможность получить консультацию защитника. Нормы гл. 40 и 40-1 УПК в части, относящейся к этому участнику процесса, также нуждаются в совершенствовании: желательно включить в Закон положение об оказании именно квалифицированной юридической помощи, привести момент появления защитника в деле в соответствии с требованием о заявлении ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке только после консультации с защитником, конкретизировать процессуальный статус защитника при заключении соглашения о сотрудничестве и др.

5. Сфера действия процедур по категориям преступлений и кругу лиц. Мы согласны с законодателем в том, что прекращение дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием применяется по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, хотя в качестве исключения можно допустить по усмотрению органов предварительного расследования, прокуратуры и суда освобождение от уголовной ответственности по этим основаниям лиц, совершивших тяжкое преступление. Например, следует подумать о возможности распространения института, предусмотренного ст. 25 УПК, на дела о некоторых тяжких преступлениях, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности, собственность. Возможность прекращения в связи с деятельным раскаянием дел иной категории, в частности дел о тяжких преступлениях, фактически уже предусмотрена ч. 2 ст. 28. Особый порядок судебного разбирательства, установленный гл.40 УПК, применяется по делам о преступлениях небольшой, средней тяжести и тяжких преступлениях (ч. 1 ст. 314), а особый порядок принятия су-

дебного решения, введенный гл.40-1 УПК, по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких (ч. 2 ст. 317.1, ч. 2 ст. 317.5). На наш взгляд, реализацию этих процедур можно было бы распространить на все уголовные дела, предусмотрев в качестве исключения перечень преступлений (например, терроризм), а также лиц (например, рецидивистов), в отношении которых снисхождение и снижение наказания ни при каких условиях неприемлемы. Наконец, хотелось бы возразить против применения всех четырех процедур в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, поскольку может оказаться, что подозрение не оправдывается, и лицо окажется невиновным или виновным не в том, в чем его подозревали. Кроме того, соблюсти такое общее для исследуемых процедур условие их осуществления, как признание вины, возможно только после того, как лицу будет разъяснено, в чем оно обвиняется, и задан вопрос, признает ли он себя виновным в этом (ст. 171–173 УПК). Поэтому применение всех процедур возможно только с момента предъявления лицу обвинения.

Отмеченное отсутствие единого подхода к определению сущности рассмотренных процедур обуславливает необходимость дальнейшей работы по комплексному и последовательному внесению изменений и дополнений в действующий УПК.

Примечания

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд., доп. М., 1997. С. 784.

Е.В. Марковичева*

ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЦЕДУР ПРИМИРЕНИЯ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Термин «медиация» в последние годы занимает все более прочные позиции в различных социальных сферах. Практика примирения многогранна и распространяется на разрешение трудовых, коммерческих и иных споров, в основе которых лежит тот или иной межличностный конфликт. Медиация рассматривается и как новый подход по разрешению уголовно-правового конфликта. Зарубежный опыт использования примирительных

---

* © Марковичева Е.В., 2010

Марковичева Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Орловского государственного университета